

Н. А. СЕЛУНСКАЯ

ЮБИЛЕЙ И ЮБИЛЕИ

УНИВЕРСАЛЬНАЯ ИДЕЯ И ЛОКАЛЬНАЯ РИМСКАЯ ИСТОРИЯ

Журнал «Диалог со временем» празднует юбилей — выпуск, в котором появится данная статья, — двадцать пятый. Представляется любопытным обратиться именно в данный момент на страницах этого юбилейного тома к таким сюжетам, как представления о юбилее и история юбилеев. Юбилей как понятие существует в совершенно различных социо-культурных контекстах. Это слово присутствует и в бытовой лексике, и в языке Библии и, таким образом, может служить образцовым объектом для применения исследовательской стратегии интеллектуальной истории. Предлагаемый очерк должен объединить несколько задач — показать перспективы исследования темы как в контексте всеобщей, так и локальной истории, а также охарактеризовать не только стереотипы историографии, но и распространенные представления и доступные источники информации относительно истории юбилеев в христианском мире.

Почему мы, современные люди европейской культуры, считаем числа 25, 50 или 100 юбилейными? Приверженность десятичной системе не объясняет этих вопросов. Откуда происходит стремление к круглой юбилейной дате? Совпадает ли оно с желанием «отпраздновать» нулевые даты как рубеж эпохи, тысячелетия и т. д.? Естественно, можно увидеть в том и другом лишь недостаток культуры счета, хотя разночтения при подсчете юбилейной даты также имеют своего рода традицию. Речь идет и о том, чтобы обозначить дохристианские представления и традиции, которые могли создать предпосылки для дальнейшего развития идеи юбилея в латинском мире средневековья и Ренессанса. Что же такое юбилей, откуда пришло к нам представление о годе юбилея? С какой сферой представлений — светской или сакральной — связан юбилей своими корнями? Равным образом важно выделить значимые аспекты темы — как «юбилей в контексте (локальной) традиции римской истории», так и корни традиции юбилеев и циклических годовщин празднований в иудео-христианской и языческой римской истории.

Юбилей изначально связан с представлением о святом, священном годе. Не только историку¹, но и любому знакомому с Библией человеку, известно понятие юбилея в особом религиозном значении. Согласно Ветхому Завету святой год отпущения и благодати, который назывался юбилейным, наступал с определенной периодичностью, по закону Моисееву такой обычай должен был соблюдаться раз в пятьдесят лет, но это никак не было связано с половиной столетия. В библейском представлении о юбилее, проявилась символика числа семь. Символика Дней Творения и Субботы была перенесена на семилетку, и седьмой год также считался годом благодати и отдохновения, когда прощались долги и отпускались на свободу рабы. Следовательно, момент семикратного повторения годов отпущения должен был тем более восприниматься как год особой милости и благодати. Семикратное повторение семилетнего цикла — совершенный сакральный момент; в этот год отдохновения и милости предполагалось, что верующие, уповая на щедрость Бога, должны отрешиться от заботы об урожае, и каждый соединиться со своим племенем². При этом в талмудистской тра-

---

¹ Лучше сказать, что понятие юбилея известно и интересно также и анти-историку. Авторы одиозных «новых хронологий» интересуются данным концептом, причем их точка зрения на историю юбилеев оказывается в числе первых, предоставляемых по поиску термина, в то время, как ни один академический сайт не открывается в первой сотне по запросу на слово «юбилей» с русскоязычных поисковых систем. В такой ситуации антинаучная картина истории становится расхожим мнением, бытующей точкой зрения, и именно в этом качестве не может не заинтересовать нас.

² Левит 25-27, Числа 36:4, Навин 6 подробнее всего в (Leviticus 25:10-12). Левит, глава 25, стихи 8-24: ¹⁰ и освятите пятидесятый год и объявите свободу на земле всем жителям ее: да будет это у вас юбилей; и возвратитесь каждый во владение свое, и каждый возвратитесь в свое племя. ¹¹ Пятидесятый год да будет у вас юбилей: не сейте и не жните, что само вырастет на земле, и не снимайте ягод с необрезанных лоз ее, ¹² ибо это юбилей: священным да будет он для вас; с поля ешьте произведения ее. ...по расчислению лет после юбилея ты должен покупать у ближнего твоего, и по расчислению лет дохода он должен продавать тебе; Левит, глава 25, стихи 25-34: ³⁰ если же не будет он выкуплен до истечения целого года, то дом, который в городе, имеющем стену, останется навсегда у купившего его в роды его, и в юбилей не отойдет от него. ³¹ А дома в селениях, вокруг которых нет стены, должно считать наравне с полем земли: выкупать их [всегда] можно, и в юбилей они отходят... ³³ а

диции могли возникать споры о том, какой же именно год — 49 или 50-й — тот самый святой год. Кроме канонических книг Ветхого Завета понятие о юбилее отражает и ряд Апокрифов³.

Возможно, кроме библейского концепта юбилея и святого года «отпущения» на основе семилетних циклов в создании юбилейной традиции христианского Рима сыграла свою роль и историческая память об античной языческой практике празднования столетий, известной как *ludi saeculares* и упомянутой Горацием. «*Carmen Saeculare*» («Вековая песнь») сочинена Горацием к десятилетнему юбилею получения Октавианом в 27 г. до н.э. титула «Август». Вековые торжества или вековые игры предписывались Сивиллиными книгами и устраивались первоначально с целью умиловивления божеств⁴.

кто из левитов не выкупит, то проданный дом в городе владения их в юбилей отойдет, потому что дома в городах левитских составляют их владение среди сынов Израилевых; Левит, глава 27, стихи 16-25. ¹⁸ если же после юбилея посвящает кто поле свое, то священник должен рассчитать серебро по мере лет, оставшихся до юбилейного года, и должно убавить из оценки твоей;...²¹ поле то, когда оно в юбилей отойдет, будет святынею Господу, как бы поле зачатое; священнику достанется оно во владение. Числа, глава 36, стихи 1-13. ⁴ и даже когда будет у сынов Израилевых юбилей, тогда удел их прибавится к уделу того колена, в котором они будут [женами], и от удела колена отцов наших отнимется удел их.

³ Цит. по изд.: Книга Юбилеев / Введ. и рус. пер. проф. прот. А. Смирнова // 2-й вып. апокрифов Ветхого Завета. Казань, 1895. «Вот слова деления дней по закону и свидетельству, по событиям годов, по их седмицам, по их юбилеям, на все годы мира, согласно с тем, что говорил Он с Моисеем на горе Синай: «...Я возвещаю тебе на этой горе, первое и последнее, и грядущее, согласно со всем делением времени под законом и свидетельством и по седмицам юбилейных годов, до века, пока Я не сойду и не буду жить с ними от века до века»». (<http://www.krotov.info/spravki/temy/a/apokrif.html>).

⁴ Тексты Горация и русские авторизованные переводы доступны по Интернет-каналам Q. Horatii Flacci Carmen Saeculare (<http://www.horatius.ru/index.xps>; <http://www.horatius.ru/index.xps?1.0.5>): «Phoebe silvarumque potens Diana, / lucidum caeli decus, o colendi / semper et culti, date quae precamur / tempore sacro / quo Sibyllini monuere versus / virgines lectas puerosque castos / dis, quibus septem placuere colles, / dicere carmen». Интернет ресурсы содержат и комментарии к Вековой песне PORPHYRIONIS COMMENTVM IN HORATIVM FLACCVM (<http://www.horatius.ru/index.xps?9>): PHOEBE SILVARVMQVE POTENS DIANA. Hoc carmen saeculare inscribitur. Cum enim

Таким образом, можно говорить о римской и иудейской основе западной христианской традиции юбилеев. Сакральная символика половины столетия и, соответственно, сотни была известна латинскому миру средневекового христианства из разных источников⁵. На рубеже Дученто и Треченто юбилейные чаяния стали особенно ощутимы, и в 1300 г. папская булла узаконила эпоху христианских юбилеев, т. е. идею, которая уже не являлась чужеродной для сознания человека этой эпохи.

В этом пункте можно также из любопытства обратиться к утверждениям «новой хронологии», как показателю уровня бытовых представлений. Авторы этой картины истории глубоко убеждены, что научных исследований по данной теме нет, как, впрочем, и исторических источников для ее изучения: «А теперь обратимся к “античной” и средневековой истории. Может быть, там тоже есть упоминания о подобных юбилеях? Если есть, то очень интересно посмотреть — в какую именно эпоху справляли такие юбилеи в Европе?»

Сразу скажем, что в современных исторических трудах подробных комментариев о подобных юбилеях нам найти не удалось...»⁶. Сразу скажем, что упоминаний и описаний, скорее, слишком много, как всегда, когда речь идет о средневековой и ренессансной Италии. Складываются хрестоматийные топоры описания, что и таит в себе опасность. Образ имперского раннехристианского Рима и Рима Возрождения и ренессансных пап преобладают и в сознании специалиста-историка, и в восприятии поверхностно образованного читателя). Встречу двух миров — древнего имперского величия Города и роскоши Ренессанса и величия ренессансного папства — видят в традиции празднования римских юбилеев, а образ римского средневековья как будто выпадает как лишнее звено⁷.

---

saeculares ludos Augustus celebraret, secundum ritum priscae religionis a uirginibus puerisque praetextatis in Capitolio cantatum est.

⁵ Не удивительно также, что после того, как один из римских юбилеев был отпразднован «не в срок» — 1390 г. — толпы верующих прибыли на никем не объявленный юбилей 1400 года.

⁶ http://www.chronologia.org/xpon6/x6_05_1317.html

⁷ Неслучайно пресловутые изобретатели новых хронологий считают, что первый юбилей христианского мира был отмечен на исходе XIV в., и при этом знают не более одного «средневекового» свидетельства о юбилеях (ис-

Даже не имея никаких специальных исторических знаний, но воспользовавшись хотя бы расхожими справочными англоязычными Интернет-ресурсами, нетрудно убедиться, что представление о юбилейных годах милости и благодати существовало тогда, когда римский юбилей еще не стал реальностью христианского мира⁸. Если же обратиться к основным историографическим предпочтениям, господствующим в научной литературе, можно констатировать, что основными сюжетами исследований являются — учреждение первого юбилея, юбилеи XV–XVII вв., тема паломничеств и индульгенций.

Однако для исследователей настолько несомненно, что средневековый менталитет включал представление о 50-летнем юбилейном цикле задолго до того, как стала осуществляться практика отпущения грехов римской церковью в юбилейные годы, что среди профессиональных историков данный вопрос не дискутируется. При этом надо отметить, что в латинской христианской культуре идея юбилея ре-актуализировалась именно на исходе XIII столетия. Менталитет этого времени воскрешал идею юбилея не только в виде представления о периодически наступающем священном моменте, но в связи с усилением эсхатологических настроений и стремлением к некоему универсальному и полному отпущению грехов.

Разницу между двумя типами восприятия юбилея можно показать на хрестоматийно известных примерах. Начнем с представления о юбилее в Англии 1220 г. в эпоху прославления Фомы Бекета. Перенесение мощей святого в 50-летний юбилей со дня мученической

точник этот на самом деле принадлежит эпохе Нового времени — а именно «Лютеранский Хронограф» XVII века, напечатанный на церковно-славянском языке и описывающий всемирную историю от сотворения мира до 1680 г.).

⁸ Не странно ли, что Рунет до сих пор звучит как глас вопиющего в пустыне и одновременно напоминает фразу «впервые в советской историографии», при том, что посредством англоязычных сайтов и поисковых систем достаточно легко найти вполне вразумительный ответ по интересующему вопросу? Католическая энциклопедия в сетевом формате, как и Wikipedia, дают корректные исторические отсылки, например, отражают упоминания о юбилеях в средневековых нарративах, в частности в гимнах времен борьбы с альбигойцами (*Anni favor jubilaei /Poenarum laxat debitum./Post peccatorum vomitum/Et cessandi propositum*), а также в исторических хрониках: упоминание о юбилейном 50-летнем цикле и в хронике Альберика начала XIII в. (Pertz, MGHS, XXIII, 889).

кончины Св. Фомы Кентерберийского, в восприятии образованных современников события, не совпадение, но свершение сакрального цикла⁹. Представление о юбилее около 1300 г. для толпы римлян и пилигримов — это совсем иное: здесь призыв к празднованию юбилея равнозначен требованию отпущения грехов папой. С эпохи Треченто для предоставления возможности каждому чаду римской церкви приобрести к юбилейной благодати святые юбилейные годы стали провозглашать не однажды в столетие (как это предполагалось сначала), но раз в 50 лет, в 33 года (земная жизнь Иисуса и средний срок жизни в средневековой Европе) и затем раз в 25 лет.

Несомненно, что бытовое представление о юбилеях в современном мире обязано своим существованием именно такой трансформации идеи юбилея в христианской церковной традиции и выделения не только 50-летнего цикла, но и производных от него чисел 25 и 75, которые совершенно теряют связь с символикой семерки и семичастной основой библейского юбилейного цикла.

«Святыми» юбилейные годы на латинском Западе стали называть лишь с 1475 г. И самые роскошные празднования юбилеев связаны с периодом Высокого Ренессанса и новым усилением папства, а также новым расцветом папского Рима. Восприятие образов юбилейных лет и празднований, исторические интерпретации римских юбилеев — составляют проблему изучения Западного мира на рубеже Средневековья и Раннего Нового Времени.

Мне представляется важным заострить внимание на том, что подходы историков к традиции юбилеев в целом и к отдельным событиям юбилейной истории, например к первому провозглашению юбилея, могут быть рассмотрены в контексте как глобальной, так и локальной истории. Ведь юбилейный 1300 год, провозглашенный в апостольской столице — Риме, стал для латинского христианского мира не просто грандиозным событием, изменившим его, но объединяющей великой традицией. В то же время феномен

---

⁹ PL, CXC, 421. См. также [http://en.wikisource.org/wiki/Catholic_Encyclopedia_\(1913\)](http://en.wikisource.org/wiki/Catholic_Encyclopedia_(1913)): «The translation of St. Thomas of Canterbury took place in the year 1220, fifty years after his martyrdom. The sermon on that occasion was preached by Stephen Cardinal Lantron, who told his hearers that this accident was meant by Providence to recall “the mystical virtue of the number fifty, which, as every reader of the sacred page is aware, is the number of remission”».

средневекового юбилея и его восприятие современниками и потомками неотделимы от локальной римской истории.

Из заявленных нами тем исследования истории юбилеев — локальной и универсальной — наиболее распространен именно глобализирующий подход. Задачи раскрытия темы «юбилей и универсальная история», как ни странно, легче обозначить, чем перечислить аспекты римской истории, связанной с юбилеями. При этом более активно развиваемая модель восприятия, естественно, несет в себе и более весомое бремя противоречий и стереотипов.

Представления об идее юбилеев, и в частности о традиции христианских юбилеев, составляют ограниченный ряд образов, которые существуют и создаются достаточно широким популярным дискурсом и узкоспециализированной академической историографией. В школьной и энциклопедической литературе, как и в ряде научных исследований, на мой взгляд, излишне утрируются некоторые черты и почти игнорируются иные значимые моменты. Эти интерпретации пересекаются в определенных пунктах — например, в оценке юбилейных индульгенций, которые становятся узловой точкой описания. В советский период даже в серьезных исследованиях, например в комментариях к Данте, встречались одиозные определения сущности юбилеев: идея юбилейных лет низводилась на уровень политики обогащения римской курии, напрямую связывалась с практикой продажи индульгенции за деньги. В западной литературе имелись более осторожные, но также прямолинейные тезисы: именно в феврале 1300 г. было положено начало новой христианской традиции, связанной с Римом, которая возникла благодаря политике папства в период понтификата Бонифация VIII.

Принципиально важно и интересно с точки зрения исторического исследования поставить вопрос: насколько справедливо утверждение о том, что первый христианский «юбилей» был учрежден Бонифацием VIII? Не менее актуален тесно взаимосвязанный с этим вопрос о том, какую роль сыграл исторический контекст первого юбилея: атмосфера средневекового Рима накануне прихода эры юбилеев и психологический настрой тех, кто стремился испросить у папы года юбилейной благодати.

Папа Целестин, отшельник Петр Мурроне, в начале своего недолгого понтификата, пожелал дать полное отпущение грехов всем,

пришедшим в Аквилу, чтобы своими глазами увидеть нового наместника Св. Петра. Отпущение грехов 1294 года не просто предвосхитило юбилей, но и показало, насколько жаждала толпа этого чуда всепрощения и насколько радостно и легко могла воспринимать эту невиданную милость. Данный факт остается малоизвестным, интересует лишь узкую группу специалистов, а также паломников, участников месс в Аквиле.

Но традиция ведет отсчет юбилеев с 1300 по 2000 г., и «круглая дата» здесь играла свою роль. Что касается папы Бонифация, сменившего папу Целестина, то именно его хрестоматийно считают отцом римским юбилеев, разумеется, не просто потому, что его понтификат пришелся на рубеж столетий. На первый взгляд, нововведение и было обязано своим существованием инициативе этого незаурядного понтифика, всеми силами способствовавшего укреплению могущества Римской Церкви и утверждению превосходства папской власти над всякой другой. Однако булла *Antiquorum fida relati*, подводившая основание под нововведение не содержит, ни толкования, ни самого упоминания слова «юбилей». Это не дает оснований считать понтифика, изображенного Джотто в момент провозглашения юбилейной милости, единоличным инициатором ре-актуализации идеи юбилея. В названии же сочинения современника и сподвижника Бонифация, кардинала Якопо Стефанески, содержатся оба ключевых слова — «юбилей» и «столетие»: “*De Centesimo seu Jubileo anno liber*”¹⁰. Этого римлянина (что важно — отпрыска исконно римских семейств *Stefaneschi* и *Orsini*) следует считать идеологом и главным автором юбилейного проекта.

При этом ослабление папства и отсутствие понтифика в Риме (т. н. «авиньонское пленение пап» — Бонифаций, как известно, был низвергнут и умер, не вынеся осмеяния, а кардинал Якопо окончил дни в Авиньоне), как будто, должно было перечеркнуть возможность превращения новшества в последовательный ряд юбилеев в Вечном городе. Тем не менее, юбилей 1300 года не только не стал единичным событием, но положил начало традиции, которая набирала силу и сторонников, несмотря на упадок независимости и власти папства и оторванность его от Рима.

---

¹⁰ *Cardinal Stefaneschi. De Anno Jubileo /La Bigne // Bibliotheca Patrum, VI, 536.*

Юбилей — невиданное и необычное событие — превратилось в событие повторяющееся, а со временем — в обычай, очевидцем и участником которого может стать любой, каждое поколение христиан (именно этим мотивировалась необходимость проводить юбилеи чаще).

Христианский культ всегда был связан с городской культурой, будь то начало христианской эры¹¹ или время возникновения нищенствующих орденов на латинском Западе. Но Рим — это особый случай и особый город, точнее даже — архетип города. Многое наводит на мысль о том, что решающее значение в укоренении традиции имел сам Вечный Город, некий культ Рима, проявившийся в самосознании христианского мира в целом, и образы Рима, созданные в той или иной среде — как возникшие в сознании средневековых горожан, так и поддерживаемые имперскими или папскими притязаниями.

Весьма важным представляется анализ самоидентификации средневековых римлян, той *цивитас*, которой продолжала именовать себя римская община, а также интерпретации взаимодействия римских исторических реалий с восприятием средневекового человека, странника, впервые столкнувшегося со спрессованными веками римской истории как квинтэссенции истории романизованного мира.

Теперь, когда мы поговорили об эпохе средневековых чаяний юбилея и первого проведения юбилея, восстановив в правах средневековые как звено юбилейной традиции, важно понять, какие умонастроения, связанные с Римом, преобладали в тот период. Нет ли необходимости уточнить, что способствовало почитанию Рима в большей степени — универсалистские идеи, связанные с ним, или же римская история как таковая, запечатленная в каждой пяди римской земли, в каждом камне и повороте течения Тибра. Естественно, Рим всегда был местом поклонения, а с началом христианской эры прошел путь от оплота гонений и сопротивления новому культу до основного центра, столицы христианского мира. Вечный Город (Рим имперский, Рим могущественной папской курии, Рим — средоточие христианских и святынь) должен был стать не тем об-

---

¹¹ *Baldovin J. F. The Urban Character of Christian Worship: The Origins, Development, and Meaning of Stational Liturgy. Rome: Pont. Institutum Studiorum Orientalium, 1987.*

разом столицы «империи зла», которым его запечатлели ранние христианские авторы, а местом чудес и паломничества.

Путешествия и паломничества в Рим составляли особую страницу в истории средневекового христианства¹². Так, паломничества в Рим к христианским святыням, конечно, практиковались до начала Треченто, но никак не связывались с необходимостью совершать их по особым датам. Только в некой особой точке пересечения истории церкви и истории римского паломничества встретились и наложились друг на друга представления о юбилейном святом времени и об очистительном посещении святыни. Только при этом совпадении сакральности момента и места действия паломника возник образ юбилейного Рима¹³. Особенности пилигримажа в эпоху юбилеев, изменения, коснувшиеся тех центров, через которые следовали пилигримы, а также самих форм гостеприимства, составляют особую сферу исследований, которые интенсивно развиваются в последние годы¹⁴. Эти исследования интересны для нашей темы и в той перспективе, которая показывает, насколько четким и конкретным было представление пилигрима о цели паломничества. В определенный период эти представления приобретают более четкие очертания: вместо стремления в идеальный символический центр христианского мира, путешествия, которое имело лишь мистический смысл, мы видим стремление запечатлеть в виде планов, карт и заметок исторические реалии.

Для эпохи Высокого средневековья и для начала Ренессанса в Италии понятия сакрального пространства, святых мест и тема паломничества связаны с собственно христианской традицией не так четко и прямолинейно, как это представляется на первый взгляд.

---

¹² *Birch D. J.* Pilgrimage to Rome in the Middle Ages: continuity and change. Woodbridge (Suffolk); Rochester (N.Y): Boydell Press, 1998; *Cahn W.* Margaret of York's Guide to the Pilgrimage Churches of Rome // Margaret of York, Simon Marmion, and the Visions of Tondal. Papers delivered at a symposium organized by the Department of Manuscripts of the J. Paul Getty Museum in collaboration with the Huntington Library and Art Collections, June 21-24, 1990. Malibu, 1992. P. 89-98.

¹³ *Hulbert J. R.* Some Medieval Advertisements of Rome // *Modern Philology*. 20. 1922–23. P. 403-424; *Cahn W.* Margaret of York's Guide...

¹⁴ Интересный пример — работа независимого венгерского исследователя, который руководит на протяжении десятилетия работой лаборатории визуальных ресурсов Центрально-Европейского Университета в Будапеште: *Szabo, Thomas*. "Le vie per Roma." *Storia dei Giubilei*, volume primo: 1300–1423. P. 70-89.

Формы паломничества в Средние века (особенно в поздний период) также нельзя свести к одной единственной модели, а осуществление миссии пилигрима было возможно наряду с другими способами удовлетворить «охоту к перемене мест», дух бродяжничества, которым жило средневековье.

С началом нового тысячелетия (с XI по XIII в. — в особенности) умножились формы небезвозмездного гостеприимства, по мере роста числа пилигримов в эпоху крестовых походов усложнились все структуры, все виды социальной коммуникации, сопутствующие жизни паломника¹⁵. Несомненно, что и эти предпосылки сыграли свою роль в увеличении масштаба паломничества, а все возрастающий поток паломников затем запускал новые механизмы обеспечения взаимодействия пилигримажа и гостеприимства в итальянских землях. При этом речь идет, разумеется, не о феномене де-сакрализации, а о более сложной взаимосвязи тех компонентов культуры, которые мы теперь расчленяем в виде понятий мирского и сакрального, но которые, однако, оставались неразделимыми в сознании средневекового человека.

Таким же двуликим, как и феномен странничества и гостеприимства, был и обличенный сакральным и мирским величием средневековый город Рим, неоднозначные образы которого неразделимо существовали в восприятии паломников. Рим, средоточие христианских святынь, демонстрировал паломникам еще и культ Города, миф Города, который был в равной степени востребован сознанием человека этого времени¹⁶. Во всяком случае, это, без сомнения, значимый образ, запечатленный, если не созданный в эпоху юбилеев. Можно смело утверждать, что востребован был образ прошлого величия Рима, а не средневековые реалии. Но важно, что именно средневековая культура сама и подготовила для себя этот образ прошлого, особый блеск величия Вечного Города, в свете которого засиял и Рим эпохи Треченто.

Свидетели святого 1300 года, великие и малые мира сего, не могли не отреагировать на это событие, вне зависимости от того, как они относились к усилению светской власти церкви и политическим инициативам папы Бонифация. При этом современники разно-

¹⁵ Peyer H. C. *Viaggiare nel medioevo*. 4 ed. Bari, 2005. P. 70-73.

¹⁶ *Le scritture del comune. Amministrazione e memoria nelle città dei secoli XII e XIII* / A cura di G. Albin. Torino, 1998.

го культурного уровня и эстетических идеалов рассматривали юбилей именно в четкой взаимосвязи с римскими реалиями и римской историей, и не только историей церковной и христианской. Данте, политический противник папы, возможно, был непосредственным участником и свидетелем юбилея, судя по точности и оригинальности использованного им в «Божественной комедии» сравнения движения паломников по мосту через Тибр и шествия грешников в Аду — 8 круг. Известно, что во избежание давки мост святого Ангела был разгорожен вдоль, и по одной его стороне народ шел к собору святого Петра, лицом к замку Ангела (Сант-Анджело), а по другой — навстречу, к холму Монте-Джордано¹⁷. Флорентиец Дж. Виллани, автор известнейшей хроники, посетил Рим в год юбилея и, по собственному утверждению, был вдохновлен этим паломничеством на историописание в духе римской истории¹⁸.

Сами люди, жившие после этой даты и бывшие очевидцами становления традиции святых лет в XIV–XVI вв. (т. е., по нашим представлениям, современники Ренессанса), скорее назвали бы свое время эпохой Юбилея, а не Возрождения. Юбилей, соответственно, ассоциируются с Возрождением и новым расцветом Рима. Ренессансный Рим — это главный образ, который существует, как в представлении рядового туриста, так и в историографии истории Рима после падения Империи¹⁹. Остается решить вопрос, что же

---

¹⁷ Данте. Ад Песнь 18. «Уже другая скорбь и казнь другая, /Какие в первом рву заключены. /25 Там в два ряда текла толпа нагая; /Ближайший ряд к нам направлял стопы, /А дальний — с нами, но крупней шагая. /28 Так римляне, чтобы наплыв толпы, /В год юбилея, не привел к затору, /Разгородили мост на две тропы, /31 И по одной народ идет к собору, /Взгляд обращая к замковой стене, /А по другой идут навстречу, в гору».

¹⁸ См.: La Nuova Cronica di Giovanni Villani (IX, 36): “E trovandomi io in quello benedetto pellegrinaggio ne la santa città di Roma, veggendo le grandi e antiche cose di quella, e leggendo le storie e' grandi fatti de' Romani, scritti per Virgilio, e per Salustio, e Lucano, e Paulo Orosio, e Valerio, e Tito Livio, e altri maestri d'istorie, li quali così le piccole cose come le grandi de le geste e fatti de' Romani scrissono, e eziandio degli strani dell'universo mondo, per dare memoria e esempio a quelli che sono a venire presi lo stile e forma da'loro, tutto sì come piccolo discepolo non fossi degno a tanta opera fare... E così negli anni MCCC tornato da Roma, cominciai a compilare questo libro a reverenza di Dio e del beato Giovanni, e commendazione della nostra città di Firenze”.

¹⁹ Stinger, Charles L. The Renaissance in Rome. Bloomington: Indiana University Press, 1998; Partner, Peter. Renaissance Rome 1500–1559, Berkeley:

было исторически первичным в связке Рим — юбилей — Ренессанс? Юбилеи ли способствовали возвышению Рима или Рим породил христианскую традицию юбилеев?

Может быть, новая мода на античную историю привлекла внимание к Вечному городу и воплотила в роскоши столицы папства эстетические потребности ренессансного человека? Ведь именно в эти века не существовало эстетического диссонанса между вкусовыми предпочтениями церкви и горожан Рима, по крайней мере, между вкусами представителей римских кардиналов и элиты общины, которые и выступали обычно в качестве заказчиков. С другой стороны, такое согласие, не только не удивительно, но просто закономерно, если проследить историческую близость римского папства и римского нобилитета.

Символические репрезентации важны для любой городской общины, для городской культуры Средневековья в целом. Но Рим — Вечный город был определенной моделью, архетипом городской жизни. Для подтверждения права и статуса *цивитас* необходимо было доказать, что средневековая община является наследницей древней традиции и славы. В этом смысле возрождение празднований, подобных античным, могло приобретать и особую ценность для формирования римской идентичности новой эпохи. И папство, и городская община не упускали случая подчеркнуть преемственность с былой славой Рима. В какой-то мере обе стороны имели моральное право на древнеримское наследие, ибо и Город, и Церковь не дали погибнуть многому из античного богатства, причем не только материального, но и идейного.

В 1300 г. Бонифаций, папа из рода Каэтани, как представитель аристократии Римской провинции, образованный и ученый деятель церкви, смог осознать и совместить в великом проекте римских юбилеев чаяния пилигримов и римлян с риторикой власти, слить в едином образе прошлое и будущее Вечного города. Несмотря на крах самого Бонифация, после «авиньонского пленения» идея юбилеев воплотилась в жизнь, поскольку соответствовала менталитету эпохи. Оставались, однако, вариативные возможности использования этой идеи, в частности, совместно с идеей нового возвеличения Рима. Эта тенден-

---

University of California Press, 1976. (Хотя работа Партнера посвящена XVI столетию, в своем Введении он касается XV века); Partridge, Loren. The Art of Renaissance Rome, 1400–1600. New York: Harry N. Abrams, 1996.

ция и была воплощена в продолжении традиции юбилеев Треченто. Юбилейные празднества в эпоху Ренессанса, начиная с Кватроченто, происходили на фоне усиления папства в Италии.

Да, нельзя забывать о том, что риторика и аллюзии, связанные с образом Вечного Города, не побудили коммуны Италии или хотя бы соседние общины римской округи добровольно предоставить пальму первенства средневековому Риму и объединиться под его началом. Но та взаимосвязь противоречивых черт, которую мы проследили, была для средневекового сознания образом Рима, неразделимым космосом мирских и сакральных основ городского величия.

С другой стороны, юбилей — необычайно важный инструмент создания западно-христианской идентичности, в которой Рим является универсалистской идеей и никак не воспринимается на уровне конкретной локальной истории. Необходимо проследивать обе эти логики, не смешивая между собой разнородные дискурсы, но понимая, что в сознании средневекового человека эти противоречивые для нас модели восприятия юбилея должны были существовать, так сказать, нераздельно и неслиянно.

В настоящий момент, учитывая особенности историографической традиции, можно сформулировать следующий вывод: история христианских римских юбилеев анализировалась в основном в связи с проблемой паломничества или феноменом продажи индульгенций, т. е. рассматривалась извне — с точки зрения пилигрима или с позиции протестантского раскола. Для сбалансированности исследовательских стратегий и создания более гармоничной исторической картины феномена юбилеев необходимо уделять больше внимания этой проблеме в контексте локальной, т. е. римской истории. Такой микро-исторический и локальный ракурс, включающий не только более тщательные реконструкции фактуры юбилейных событий, но и интерпретации представлений и менталитета римлян эпохи начала юбилеев, анализ символических репрезентаций Рима и его общины, всей христианской общины с центром в Риме, преломления сакрального действия — юбилейного отпущения грехов в особой среде — сакральном пространстве Вечного Города с его символами и атрибутами. Такой подход становится все более актуальным: распространение знания, сфокусированного на исторической конкретике, позволяет избежать — хотя бы частично — исторических спекуляций, основанных на универсалистском подходе к истории юбилеев.